

ИЗ АНТОЛОГИИ
«ТАШКЕНТ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ»

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Опубликованные «Новой Юностью» ровно год назад главы антологии вызвали определенный читательский интерес. Возможно, он объясняется ростом внимания к постколониальному дискурсу, попыткой осмыслить более чем 150-летнюю историю взаимоотношений России со Средней Азией. Большая выставка В.В. Верещагина (не он ли, неназванный, проскользил в стихотворении Н.Н. Ушакова, которое вы найдете ниже), издание в «Литпамятниках» романов Н.Н. Каразина, изгнанного из общественного сознания и литературного контекста на долгие десятилетия, — все это заметные вехи растущего в обществе значения темы.

Главы из антологии продолжали публиковаться «в розницу» в израильской газете, в американском журнале русской поэзии, в российском научном сборнике. Однако интерес к моему скромному труду был не настолько велик, чтобы на горизонте возник воодушевленный издатель.

Тем временем антология приросла новыми замечательными именами, и количество их достигло девяноста.

В этом году я снова пользуюсь площадкой «Новой «Юности», чтобы показать еще шестерых незаслуженно забытых поэтов.

А также хочу поблагодарить Э. Шафранскую, Р. Тименчика, И. Лоцилова за живой интерес и дружескую поддержку в появлении этих глав.

Михаил КНИЖНИК

КОНСТАНТИН АЛТАЙСКИЙ

(1902–1978)

Константин Николаевич Алтайский-Королев родился в Сызрани, на его биографии эпоха усердно ставила свои клейма.

Первые книги его стихов назывались «Зеленые побеги» (1921), «Алое таяние» и «Ленин» (обе — 1925 г.).

Писал Алтайский и прозу: приключенческие рассказы из жизни северных народов или про гражданскую войну, печатался в журнале «Всемирный следопыт».

В 1932-м он успел поучаствовать в написании книги «Болшевы. Очерки по истории Болшевской имени Г.Г. Ягода трудкоммуны НКВД. Под редакцией М. Горького, К. Горбунова, М. Лузгина».

А уже в 1938-м из него самого выбивали показания наследники Ягоды, да так усердно, что потом на суде он отказывался от своих «признаний», сделанных под пытками. До 1954 года, когда пришла окончательная реабилитация «за отсутствием состава преступления», он успел отсидеть два срока с перерывом на три года бездомной свободы.

После освобождения продолжал писать о маршале Ворошилове и переводить казахского акына Джамбула.

Приемная дочь, Вера Алтайская, актриса, прославилась ролями занозистых старушек в киносказках, хотя умерла совсем нестарой. Была она замужем за Алексеем Консовским, нежным принцем из послевоенной «Золушки».

Стихотворение приводится по сборнику «Алое таяние», выпущенному в Вятке.

Я сохранил авторскую редакцию, устранив лишь явную ошибку набора. Но оставил «одел» вместо «надел». Если «чайхане» встречалось в текстах начала XX века, то «дутар» в женском роде я вижу впервые.

«Бухарка», как сообщают словари, — «ушастая шапка, отороченная пыжиком».

Константи́н Альта́йский

ТАШКЕНТ

Кусочек Азии оранжевой и синей,
Медлительной, как шаг тишайших ишаков...
Здесь пахнет спелый зной и кишмишем, и дыней
И на камнях покой веков.

На узких улочках зеленый чай в чайхане
В халате пестром пьет ленивый сарт.
В оранжевых и синих зацветаньях
Ташкент одел халат...

Пестро, крикливо, знойно на базаре —
Чадра, чалма, бухарка, малахай...
И стонет знойно страсть в напевнейшей дутаре,
Суля восточный рай.

И есть другой Ташкент — надменный чужестранец,
Сменивший зной и лень на знание и труд.
Он думает прервать тягучий, плавный танец;
Он думает увидеть пурпурный румянец,
Сорвав со смуглой Азии чадру.

АНАТОЛИЙ ОЛЬХОН (ПЕСТЮХИН)

(1903-1950)

Анатолий Сергеевич Пестюхин родился в Вологде, там и опубликовал первые стихи. Сначала был рабочим, потом — журналистом. Был активным участником группы «Перевал», робко отстаивавшей творческую независимость от чугунного гнета идеологии.

Много путешествовал, подолгу жил в Средней Азии, в Украине, в Закавказье. Но своим домом ощутил Север, Сибирь, куда попал уже достаточно взрослым человеком. Этот край подарил ему псевдоним по имени большого острова на Байкале. Ольхон успел издать множество книг стихов и прозы, собирал фольклор северных народов, переводил с якутского и бурятского. Тяжело болел, умер рано. Книжки его переиздавали и через тридцать лет после смерти. В Иркутске на доме, где он жил, установили мемориальную доску.

От среднеазиатских скитаний осталось несколько стихотворений. «Фергана» — лучше, мастеровитей, вот только неправильное ударение в слове «арыки» выдает чужака:

*...Мы проходим по улице старой,
Что легла за восточным базаром,
Арыки нас приводят в пустыню,
Где колючка жестокая стынет.
Но и здесь уж пылят караваны —
Чай везут из садов Андижана.
Где-нибудь в чайхане, на канале,
Будем пить из узорной пиалы,
Изготовленной русским заводом,
Эту желто-зеленую воду...*

Ташкентское стихотворение проще, оно так и осталось в журнале «Прожектор» за 1928 год под фамилией Пестюхин, но и в нем есть живой заинтересованный взгляд, разглядевший и «чернильный дым запутанного сада», и шатер «деревьев вольных и крылатых», и готовность испытать родство с сердцем, бьющимся под халатом, то есть — чапаном. Хотя «арыки» проникли и сюда.

А н а т о л и й О л ь х о н

НОЧЬ В ТАШКЕНТЕ

Бездонным омутом сияет темнота,
В густых платанах лунное цветенье,
И ночь лежит у каждого куста,
Прислушиваясь к музыке и пеню.

Арык струится в каменных тисках,
В аллеи тихо падает прохлада,
И мы выходим отдыха искать
В чернильный дым запутанного сада.

Огни пылают в шумной чайхане:
Там желтый чай дымится над коврами,
Горит шашлык на медленном огне,
И пряный дым висит над головами.

И мы пройдем по улице пустой
В чаду луны и в запахе цветочном,
А на камнях широкою волной
Луна разбилась в заводи проточной.

В садах огни и розы, и вода
Меня волнуют новым ощущеньем,
И вижу я — как ринулось сюда
Цветущих лет упругое движенье.

Узбекистанский говор незнаком —
Но то же сердце бьется под халатом,
И сад для всех раскинулся кругом
Шатром деревьев вольных и крылатых.

На целине созреет виноград,
Хлопок взметнется пеной кудреватой,
И арыки водою загремят
В глуши пустынь, в песчаных перекатах.

ВЛАДИМИР ДЕРЖАВИН

(1908–1975)

1.

Переводы в советское время являлись не только возможностью заработать, но и убежищем, где поэт мог пережить опасные и трудные годы. Да вот беда, трудные годы складывались в тяжелые десятилетия, а десятилетий тех отпущено бывало совсем не много. Некоторые успевали вернуться в «большую поэзию», как долгожители Тарковский или Липкин. Другие возвращались уже после смерти, как Плисецкий или Петровых. А некоторым возвращение еще только предстоит...

2.

Владимир Васильевич Державин был признанным переводчиком восточной поэзии. Еще при жизни в «Краткой литературной энциклопедии» о нем было сказано: «Его переводы отличаются точностью и выразительностью». А он всю свою не очень долгую жизнь продолжал писать стихи, большого лирического и философского напряжения.

Родился Державин в Костромской губернии, отец его был врачом, мама — учительницей. Еще подростком он познакомился с Ефимом Честняковым, ярким, ренессансно одаренным человеком, скрестившим Брейгеля с русской иконописью. Честняков оказал большое влияние на юного Державина. Занятия живописью, начатые в художественной школе Костромы, Владимир Васильевич продолжил во ВХУТЕМАСе у больших мастеров — Фалька и Древина. Там же начал писать стихи, ставшие в итоге главным призванием.

В начале 30-х несколько лет прожил в Болшевской трудовой коммуне НКВД им. Ягоды. Но в отличие от другого персонажа этой антологии, Константина Алтайского, в написании апологии принудительного труда — книги «Болшевцы» — участия не принимал. Правда, там помещены два шаржа Державина, умелых — как-никак рука профессионала — и точных. И настолько не дружеских, что из части тиража карикатура с Алексеем Толстым была изъята.

В 1936 году вышла единственная в его жизни книжка стихов. В 1940-м — последняя подборка в «Знамени». Последующие десятилетия он печатал только переводы.

Жил в Ташкенте в эвакуации. В 1942 году у Державиных родилась дочь Наташа. Наталья Владимировна станет актрисой кукольного театра, заслуженной артисткой, будет служить у Образцова. Ее голо- сом много лет говорил Хрюша из «Спокойной ночи, малыши!»

3.

Несколько раз имя Державина появляется на страницах добросовестных записок Лидии Чуковской поры ташкентской эвакуации. Грязный, опухший от пьянства, он тем не менее показан истинным поэтом, к которому с симпатией и уважением относится Ахматова.

Вот две цитаты.

Третьего дня вечером я пришла к NN (Ахматовой. — МК), как обещала, чтобы послушать Кочеткова и Державина. (...)

— Что это? — шутливо сказала Фаина Георгиевна. — Вы пригласили Державина? Это ташвайс топ.

— «Глупости. Он очень талантлив. А что он грязен и пьян — какое мне дело? Хлебников тоже был грязный и опухший».

Мы поднялись наверх, и скоро гости явились. Приглашенный Кочетков и опухший, мутный Державин... В нем что-то наивное и чистое, несмотря на грязь.

Он читал много, жадно, видно было, что изголодался по слушателям.

Баранку и пирожок, предложенные ему NN, завернул и унес для сына.

Стихи читал хорошие, причудливые, очень русские, очень свои. NN хвалила.

Вторая цитата почти дословно повторяет первую, если бы не заключительная сентенция Ахматовой, мимо которой не пройти.

Зайдя днем к NN, я застала у нее Державина, такого же немытого, нечесаного, опухшего от пьянства, как всегда. NN очень оживленно с ним беседовала. Когда он ушел, она сказала мне: «До чего похоже на Осипа и на Хлебникова. Он и не знает этого! Как похож!» — Скоро вошла Раневская, которая видела Державина, когда он пришел. Между ней и NN состоялся такой разговор.

— Кто этот человек, который осмелился прийти к А. А. таким грязным? Он, верно, вывалялся в арыке и не удосужился почиститься.

— «Поэт».

— Воображаю!

— «Поэт, и прекрасный. Поэты все такие. Хлебников был такой, Осип был такой. Если видите складку на брюках — не верьте, что поэт. А если такой — верьте».

4.

Обоими приведенными стихотворениями и многими уточнениями биографии автора любезно поделился со мной новосибирский литературовед Игорь Лоцилов. Он же просил указать, что рукописи получены им от А.Б. Слонимера, приемного сына поэта.

5.

Оба стихотворения, приведенные здесь, опубликованы единожды — в статье И.Е. Лоцилова в научном сборнике 2013 года.

Второе, более раннее стихотворение — изящная, но вполне понятная рефлексия о Востоке. Первое — полно загадок. Тамерлан, Амир Тимур — частый герой поэзии Державина. Но вот строки про «череп серый» указывают на участие автора во вскрытии могил в Гур-Эмире в июне 1941 года. Никаких данных о том, что Владимир Васильевич был в составе группы профессора М.М. Герасимова мне найти не удалось. Я обратился за помощью к известному антропологу, специалисту по Средней Азии профессору С.Н. Абашину. И получил такой ответ:

Боюсь, в открытых источниках такой информации не будет. Известны лишь имена «генералов»: Герасимов, Айни, Кары-Ниязов, Семенов, которые возглавляли экспедицию. Но была еще масса народу, приехавших из Москвы и местных (из Ташкента и Самарканда), которые в этом мероприятии так или иначе участвовали. О некоторых из них можно узнать только в отчетах, которые хранятся в архивах, а о некоторых, думаю, свидетельств совсем не осталось (они приходили по знакомству, по каким-то рекомендациям и т. д.).

Не меньше вопросов вызывает и последняя строфа. Можно предположить, что «сноумен» — это снежный человек, йети, герой мифов интеллигенции 60-х. Но почему Бога сравнивают с ним, и почему он одет, как обычный бродяга, — каждый волен объяснить по-своему.

В л а д и м и р Д е р ж а в и н

Тимур! Какою горестною мерой
Не мерился бы образ твой в веках,
С благоговением твой череп серый
Секунды две я продержал в руках.

Ночь наступила. Мир притихший тёмн.
Чуть теплятся огарки в кабаках;
И по Ташкенту Бог идет, как сно́умен —
В худом плаще, в дырявых башмаках.

<1960-е гг.??>

Туман над сонной Согдианой.
Пески и камыши в дыму...
Широко под луной туманной
Блестит латунная Аму.

Чуть брезжит свет дороги звездной,
Чуть плещет в камышах река...
Чу! Мерный звон в тиши морозной
Доносится издалека

На этот смутно озаренный
Бескрайний караванный путь
Как бы из дали довременной —
Доносится сквозь ночь и жуть...

1945–1946

ЕЛИЗАВЕТА ТАРАХОВСКАЯ

(1881–1968)

Из троих детей от первого брака Якова Соломоновича Парноха, таганрогского провизора и члена Городской думы, Елизавета была самой благополучной.

Ее сестра — поэтесса София Парнок, заметная фигура Серебряного века, недолгая возлюбленная Цветаевой, не дожила до пятидесяти, не поладив с новыми временами.

В 1951 году умер брат-близнец Елизаветы — Валентин Парнах, поэт, переводчик, создатель первого советского джаз-банды. Про него говорили, что он первым написал слово «джаз» по-русски. Сестра помогала ему, а после смерти — его семье.

Елизавета Яковлевна, получившая фамилию в результате недолгого брака с Александром Тараховским, сыном театрального критика из Таганрога, писала детские книги, пьесы для кукольных театров, сценарий для киносказки Александра Роу «По щучьему велению».

Стихотворение «Караван» вошло в книгу детских стихов «Дружба», изданную в Ташкенте в 1942 году, оно, безусловно, ташкентское. Ведь только в Ташкенте в ту пору верблюжий караван и трамвай были одновременно частью городского пейзажа.

Елизавета Тараховская

КАРАВАН

Ты везешь с собой в корзине
Вкусный-вкусный, сладкий груз —
И оранжевые дыни,
И огромный арбуз.

На верблюде, напевая,
Ты качаешься, Усман,
Над тобою, проплывая,
Загудел аэроплан.

Ты проехал мимо сада,—
Далеко внизу земля.

Ты сорвал себе в усладу
Два орешка миндаля.

На верблюде, напевая,
Ты качаешься, Усман,
И автобус, и трамваи
Обгоняют караван.

Твой верблюд шагает гордо,
Он не смотрит, он зевнул,
Он презрительную морду
От трамвая отвернул.

На верблюде, напевая,
Ты качаешься, Усман,
Эта улица — родная,
Это — твой Узбекистан!

ВСЕВОЛОД ЗУММЕР

(1885–1970)

Большая часть жизни выдающегося искусствоведа и археолога Всеволода Михайловича Зуммера связана с Украиной. Родился он в селе Тальное на Черкащине. Интересно, что название села предсказало круг интересов будущего ученого. Тюркское слово «тал» — ива — органично вошло в русский и украинский языки, пустив корни и разбросав ветви.

Учился Зуммер в Киевском университете и Московском археологическом институте. Его работы были посвящены творчеству А. Иванова и М. Врубеля, но главным и многолетним направлением исследований стала история восточного искусства. В 20-е годы Зуммер работал в Азербайджане, где сблизился с Вячеславом Ивановым. Заведовал кафедрой истории искусств в Бакинском университете. В 1926-м был избран членом-корреспондентом Академии художеств. Благодаря скрупулезно выложенному в интернет итальянцами архиву В.И. Иванова стали доступны портреты, статьи и письма Зуммера.

В 1933 году Всеволод Михайлович был репрессирован, приговорен «тройкой при коллегии ГПУ УССР по ст. 54-2, 4, 11 УК сроком на пять лет». Сидел в БАМлаге. Советская лагерная система тогда еще не окостенела в своем изуверстве. В БАМлаге еще играли в перевоспитание, выходили газеты и книги на языках заключенных. Зуммер публиковал стихи в лагерной печати:

*Нет! Берите перья, опишите
Труд, организацию и быт,
И героев наших помяните, —
Пусть никто не будет позабыт.
Вспомните ударную работу
Наших коллективов трудовых.
Шумные и радостные слеты, —
Как за знамя спорили на них...*

Через три года профессора досрочно освободили. Работы не было. В 1940-м он приехал в Ташкент. Преподавал, работал в музеях. Мы-

кался, снимая углы. Хлынувшая через год волна эвакуированных отодвинула мечту о собственной комнате до 44-го года. В письмах той поры он писал, что курс «от палеолита до наших дней разбил... на 50 лекций, по три 4-часовых в 6-дневку — 3,5 месяца. Зовут меня консультантом по описи фондов Музея искусств, читать лекции в Союзе художников, но не поймешь, где взять на все это время».

Из письма ташкентского периода взято и приведенное здесь четверостишие.

В 1950 году Зуммер вернулся на родину и сразу угодил в кампанию борьбы с безродными космополитами. В Киеве жить не разрешили, поселился в Козельце. Работал в Остре, в музее. Могу предположить, краеведческом. В Козельце и умер 85 лет от роду.

Большинство фактов о В.М. Зуммере почерпнуто из книги О. П. Еланцевой «БАМлаг в контексте истории и литературы».

Всеволод Зуммер

В Ташкенте зима — январь,
весна в феврале и в марте,
здесь осень — ноябрь с декабрем,
а прочих семь месяцев — лето.

НИКОЛАЙ УШАКОВ

(1899–1973)

Две цитаты:

«Ушаков был технически подготовлен к тому, чтобы стать большим поэтом, и он смог написать несколько первоклассных стихов, но нравственно к миссии большого поэта он готов не был — для исповедальности нужна смелость и по отношению к себе, и по отношению к остальному миру».

«Был такой миг истории русской лирики, когда всем казалось, что именно Ушаков несет в себе ключ к тайнам века, что именно Ушаков нашел что-то важное и повествует об этом важном каноническим и все же необыкновенным ямбом, обновленной поэтической интонацией».

Первое высказывание принадлежит Евгению Евтушенко, второе — Варламу Шаламову.

Истина, как мне кажется, что с ней нередко случается, притаилась где-то промеж этих блестящих высказываний.

Николай Николаевич Ушаков, привезенный ребенком в Киев, прожил в нем всю жизнь (за исключением времени эвакуации). Как положено русскому поэту, живущему вне метрополии, он много переводил местных поэтов. Любил и знал Киев, писал о нем хорошую, немножко водянистую прозу. Может быть, этот навык понимания места и помог ему разглядеть Ташкент сквозь хан-атласную занавесь восточной экзотики или суровую мешковину военной проголоди за недолгую, в общем-то, пору эвакуационного лихолетья.

Стихи, приведенные здесь, при жизни автора не печатались, они увидели свет в тонкой книжечке, вышедшей через восемь лет после его смерти.

Н и к о л а й У ш а к о в

ЖИВОПИСЕЦ

Над востоком прохлада ночная,
синих листьев безбрежный разлив.
Мчится пара, и пристяжная
скачет, голову наклонив.

Сквозь листву проступает сиянье,
освещен губернаторский дом,
и танцуют купцы и дворяне
за пылающим жарким окном.

Только шпор перебор,
только топот,
только музыка и говорок.
Сквозь деревья глядит на Европу
Многоглазый безмолвный Восток.

И художник мазурку танцует,
о художнике говорят,
замечательно он рисует
кровь на белых рубашках солдат.

1942, Ташкент

ZOFIA

Выйдя из товарного вагона,
в азиатской дальней стороне,
полька моисеева закона
Написала «Zofia» на стене.

Я увидел синагоги Львова,
долгополых сюртуков квартал.

Азия в дожде была лилова,
дождик «Зофья», «Зофья» лопотал.

Площадь вся под тучами лежала,
улыбаясь, плакала во сне.
Хлеб жевала, вшей в арык бросала
и читала «Зофья» на стене.

1943, Ташкент

